

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛИТИКИ САМОДЕРЖАВИЯ

КАК ПОДГОТОВЛЯЛОСЬ ЗАКРЫТИЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Предисловие и публикация С. А. Макашина

Правительственное запрещение в апреле 1884 г. «Отечественных записок», крупнейшего демократического издания своего времени, неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. Последнее по времени и по учету новых документальных источников изложение этого события дано в монографии М. В. Теплинского, посвященной журналу Некрасова и Салтыкова-Щедрина¹. В этой книге приведено несколько цитат из машинописной (вариантной по тексту) копии того документа, который является предметом данной публикации. Еще раньше, в 1949 г., автором настоящих строк был напечатан отрывок из этого документа, относящийся к Некрасову².

В подлиннике рукопись не имеет ни заглавия, ни подписи, только дату: «24 августа 1883 г.» Но в архивном делопроизводстве она именуется: «Записка о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России».

Содержание «Записки» — краткий очерк истории «неблагонамеренной», то есть революционно-демократической и либерально-оппозиционной легальной печати в России за период с 1848 г. по 1883 г. «Записка» возникла в стенах высшего органа политической полиции царизма. Она составлялась на основании сведений, извлеченных из розыскных и следственных «дел» Третьего отделения и сменившего его в 1880 г. Департамента полиции. Задачей «Записки», как сказано в ее тексте, было «удостоверить связь известного литературного направления с ростом крамолы, черпающей нравственную силу в этом сочувствии к ее злодеяниям, которое читается между строк, а иногда и в самом тексте произведений этого направления».

Директор Департамента полиции В. К. Плеве держал в курсе работы по составлению «Записки» своего коллегу по государственно-политическому контролю в империи, министра внутренних дел и шефа жандармов гр. Д. А. Толстого. Это видно из следующих слов письма Д. А. Толстого к В. К. Плеве от 10 августа 1883 г.: «Приятно мне было также узнать, что подвигается работа по изложению связи журналистики с нигилистической партией: вы знаете, что всегдашнее мое убеждение было, что тут именно весь корень зла, поэтому фактическое подтверждение этой мысли, по моему мнению, весьма важно...»³.

Когда «Записка» была закончена, она тотчас же была отослана Д. А. Толстому. Подтверждая ее получение, он писал к Плеве:

27 августа 1883 г. Городище

Очень благодарю вас, многоуважаемый Вячеслав Константинович, за все сообщенные сведения и за составленную записку об отношениях известной части нашей журналистики и революционной партии. Конечно, ее можно было бы многим дополнить; но и в том виде, как есть, она представляет много интересного, потому что основана на фактах. Я посылаю ее государю, и прошу вас приказать отправить мой пакет в Копенгаген. Там у государя более свободного времени, чем в Петербурге, значит, он прочтет эту записку с полным вниманием. <...>

Еще раз благодарю вас.

Искренне преданный гр. Д. Т о л с т о й⁴

Залакированная надпись в левом верхнем углу первого листа рукописи — «Читал» — указывает, что «Записка» была доставлена Александру III и прочитана им.

ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА
«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

1884, № 4

Обложка

С какою же практической целью высшие «блюстители порядка» самодержавной власти предприняли этот жандармско-историографический труд? Ответ не вызывает сомнений. «Записка» понадобилась для выработки более убедительной, в глазах общества, мотивировки предрешенного запрещения «Отечественных записок».

Назначение в 1882 г. Д. А. Толстого, ярого представителя реакции, министром внутренних дел и шефом жандармов свидетельствовало, что самодержавие в основном преодолело, на том этапе, кризис конца 1870-х — начала 1880-х годов и перешло от колебаний «диктатуры сердца» Лорис-Меликова и «народной политики» Игнатьева к жесткому курсу. Убеждение, высказанное Толстым в цитированном письме к Плеве, что «корень зла» всех враждебных правительству сил находится в оппозиционной («нигилистической») печати, не могло не диктовать ему репрессивных мер и на литературно-журнальном участке внутренней политики. И даже в первую очередь на этом участке.

Главным врагом правительства среди всей тогдашней печати Толстой, вместе со своими идеологическими единомышленниками Победоносцевым и Катковым, считал «Отечественные записки». Триумвират этих лидеров реакции 1880-х годов был единоклубен в политической квалификации журнала как легального органа революционной партии, как кафедры, с которой на всю страну раздавалась проповедь, направленная на подрыв существовавшего порядка вещей.

Однако, по свидетельству ближайшего и ревностного сотрудника Д. А. Толстого, начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова, все же не Толстой сыграл роль *primus mobile* в ликвидации «Отечественных записок». Толстой, пишет Феоктистов в своих «Воспоминаниях», «колебался» принять решение о закрытии журнала Салтыкова «отчасти потому, что Салтыков был некогда его товарищем, — оба они воспитывались в Александровском лицее, — а, главным образом, <...> из опасения возбудить неудовольствие в обществе»⁵. Салтыков знал об этих колебаниях Толстого и, в какой-то мере, питал надежду, что весы этих колебаний могут склониться в пользу сохранения журнала. В письме к издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому от 9 марта 1884 г. Салтыков писал: «Я вчера был у Феоктистова, <...> он мне обе-

пал, что не будет принято против «Отечественных записок» мер без предварительного соглашения со мной. <...> Он же мне сказал, что и гр. Толстой не желает предпринимать что-либо лично против меня, по старому товариществу»⁶.

Биография Салтыкова знает несколько случаев, когда бывшие однокашники писателя, ставшие крупными фигурами в правительственном аппарате, «питомцы славы», подчиняясь неписаному кодексу лицейского товарищества, отклоняли или смягчали удары, угрожавшие Салтыкову в его служебной и литературной деятельности.

Не вызывает сомнений и вторая из указанных в воспоминаниях Феоктистова причина «колебаний» Толстого — боязнь возбудить запрещением авторитетнейшего демократического издания общественное недовольство до опасного, критического градуса.

Существует немало документального материала, уже известного в печати и еще ждущего обнародования, который подтверждает обоснованность опасений «министра борьбы», как звали Толстого современники. Ликвидация «Отечественных записок» действительно сильно активизировала оппозиционные силы в русском обществе. Можно с достаточным основанием утверждать, что эта правительственная акция послужила одним из толчков к наступившему вскоре перелому — от реакционного упадка начала десятилетия к новому демократическому подъему. Вопрос этот, однако, нуждается в специальном освещении. Возвращаясь же непосредственно к конкретной истории закрытия журнала, мы должны уяснить, что же все-таки заставило Толстого покончить с владевшими им колебаниями. Ответ на этот вопрос находим в тех же воспоминаниях Феоктистова. «Однажды, — пишет он, — граф Толстой пригласил меня на совещание с Оржевским⁷ и Плеве, которые сообщили, что редакция «Отечественных записок» служит притоном отъявленных нигилистов, что против некоторых из сотрудников этого журнала существуют сильные улики, что один из них уже выслан административным порядком из Петербурга и что необходимо разорить это гнездо...»⁸.

Совещание у Толстого с высшими руководителями политической полиции происходило, по-видимому, в конце марта или в самом начале апреля 1884 г. Это явствует из того, что уже 5 апреля Н. А. Любимов писал в Москву своему другу и единомышленнику М. Н. Каткову: «Обнаружилось, что близкие сотрудники «Отечественных записок» и «Новостей» (Кривенко в «Отечественных записках», Греков в «Новостях») замешаны в революционной организации. Раскрытия, сделанные в (...)»^{*} это обнаружили. <Пред>положено * [(Феоктистов передал мне это под секретом)] «Отечественные записки» и «Новости» закрыть и объявить причину в «Правительственном вестнике». На Святой будет совещание 4-х министров, и это решится. Доклад уже заготовлен. Лёгальные и нелегальные, действительно, оказываются одно и то же. Феоктистов просил пока никому об этом не говорить»⁹.

Таким образом, колебания Толстого были прекращены прямым вмешательством высшего органа политического надзора в империи. Данное обстоятельство с полной авторитетностью подтверждается следующим письмом Феоктистова к Плеве:

Милостивый государь Вячеслав Константинович

Препровождаю при сем вашему превосходительству проект правительственного сообщения с редакционными поправками, сделанными К. П. Победоносцевым. Их немного, но они очень удачны, и мне кажется, что необходимо воспользоваться ими.

Засим, — вы ли изволите привезти совершенно готовый проект этот в заседание, или нужно переписать его на бланке Главного управления по делам печати? С одной стороны, революция основана на временных правилах о печати, а потому подлежит Главному управлению, с другой же, *вся инициатива дела исходит от Департамента полиции*. Извольте решить сами, так как для меня совершенно все равно, ибо это вопрос о простой формальности. Говорю же я об этом на тот случай, что если бы вы сочли нужным предоставить изготовление бумаги Главному управлению, то сообразовалите сегодня доставить мне прилагаемый при сем проект: другого экземпляра у меня не

^{*} Подлинник поврежден. — Ред.

имеется. Если не получу его от вас, то это будет значить, что вы возложите изготовление документа на ваш департамент.

С глубоким уважением и преданностью

ваш покорнейший слуга Е. Феоктистов

12 апреля 1884¹⁰

Документ — проект Правительственного сообщения о прекращении издания «Отечественных записок» — был «изготовлен» на бланке Главного управления по делам печати. На другой день, 13 апреля, он был утвержден на совещании четырех министров — Д. А. Толстого, И. Д. Делянова, Д. Н. Набокова и К. П. Победоносцева. «Всепоподданнейший доклад» Толстого Александру III о принятом решении состоялся 19 апреля, а на другой день, 20 апреля, оно было обнародовано в «Правительственном вестнике» (№ 89).

Заключительные слова Правительственного сообщения гласили: «Совещание министров внутренних дел, народного просвещения и юстиции и обер-прокурора Святейшего синода, на основании пункта III высочайше утвержденного в 27-й день августа 1882 года положения Комитета о временных правилах для периодической печати, постановило: Прекратить вовсе издание журнала «Отечественные записки».

Таким образом, резолютивная часть Правительственного сообщения исходила из обвинения редакции «Отечественных записок» в нарушении ею цензурных правил. Но вся предшествующая этой части мотивировка Правительственного сообщения — документа слишком хорошо известного, чтобы приводить его здесь — носила куда более грозный характер. В ней редакция журнала и его сотрудники обвинялись в политическом деликте, в прямых связях с революционным подпольем. Это явствует из приведенного выше письма Плеве. Инициатором этого обвинения был Департамент полиции, который и доставил Главному управлению по делам печати соответствующие сведения в публикуемой «Записке». В истории закрытия журнала Щедрина этот документ должен рассматриваться в ряду источников первостепенной важности, вместе с самим Правительственным сообщением.

Извещая Н. А. Белоголового 24 апреля 1884 г. о катастрофе с «Отечественными записками», Салтыков писал: «Выходит, что журнал прекращен не за содержание, а за то, что некоторые из сотрудников его арестованы. Но и в департаментах арестуют чиновников, а департаменты не закрывают. (...) Я ни мало не сомневаюсь, что в настоящее время всего нужнее — уморить меня, и что тут главным подстрекателем Катков»¹¹.

Катков, действительно, был ожесточенным врагом Салтыкова и его журнала. В качестве одного из лидеров реакции редактор «Московских ведомостей», конечно, внес свой «вклад» в подготовку идеологической почвы для закрытия «Отечественных записок». Но мы не располагаем никакими документальными сведениями о непосредственной причастности Каткова к осуществлению самой акции прекращения журнала. Акция эта была по существу полицейской. Не располагаем мы никакими документальными данными и об участии Каткова в составлении текста Правительственного сообщения. Текст этот, по-видимому, написан Феоктистовым, с использованием сведений, доставленных Плеве, и отредактирован Победоносцевым, а, может быть, и Толстым¹².

Публикуемая «Записка» не нуждается в комментариях, дополнительных к изложенному выше. Содержащиеся в ней сведения известны каждому читателю, сколько-нибудь осведомленному в истории русской печати, литературы и революционного движения XIX в. Ограничимся всего лишь тремя справками.

Не названные повести молодых авторов в «Отечественных записках» и «Современнике» 1848 г., привлечение к себе внимание цензуры и самого Николая I, — это «Запутанное дело» Салтыкова, принесшее ему арест и ссылку, и «Сорока-воровка» Герцена.

Авторство Чернышевского в отношении студенческой прокламации, распространявшейся в Петербурге в сентябре 1861 г., указывается в «Записке» лишь на основании агентурных сведений, документально до сих пор не подтвержденных (прокламация с эпиграфом «Наш век железный, век царей...», начинавшаяся словами: «Правительство бросило — ам перчатку»). Арест и предание Чернышевского суду упоминаются лишь

для констатирования того, что эти репрессии не имели влияния на его образ мыслей и убеждения. Но, что весьма примечательно, ни словом не упомянуто об официальном обвинении, сфабрикованном в III Отделении при помощи провокаторов, на основании которого Чернышевский был судим и отправлен на каторгу.

Автором прокламации «К молодому поколению» назван только Михайлов, тогда как она написана Шелгуновым при участии Михайлова. Но последний на следствии принял авторство и распространение прокламации целиком на себя, за что и поплатился каторгой. Таким образом, полная правда об одной из важнейших прокламаций 1860-х годов и о подвиге революционного товарищества, совершенном Михайловым, и в 1883 г. оставалась неизвестной высшему органу политической полиции царизма.

Текст «Записки» публикуется по копии, снятой в 1941 г. с подлинника (писарской список): ЦГИАМ (ныне ЦГАОР), ф. 102, ДП, 1 Секретный архив, № 1763, л. 257—288.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. В. Теплинский. «Отечественные записки». 1868—1884. Южно-Сахалинск, 1966, с. 112—138.

² ЛН, т. 49—50, с. 524—526.

³ ЦГАОР, ф. 586, В. К. Плеве, оп. 1, ед. хр. 1156, л. 17—17 об. Сообщено Н. Д. Эфрос.

⁴ Там же, л. 19—20. Сообщено Н. Д. Эфрос.

⁵ «Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896». Ред. и примеч. Ю. Г. Оксман. Л., «Прибой», 1929, с. 242.

⁶ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX. Письма. Книга вторая. М., 1939, с. 395—396.

⁷ Генерал-лейтенант П. В. Оржевский с 1882 по 1887 г. занимал должность товарища министра внутренних дел и командира корпуса жандармов.

⁸ «Воспоминания Е. М. Феоктистова...», с. 242.

⁹ ГБЛ, ф. 120, Каткова. 6. 31, л. 15—15 об. Сообщено Ю. П. Пишулиным.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, ед. хр. 1189, л. 1—1 об. Сообщено в 1949 г. Н. Д. Эфрос. Курсив мой. — С. М.

¹¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XX. М., 1937, с. 42.

¹² В предисловии анонимного издателя «Собрания сочинений С. Н. Кривенко» (т. I, СПб., 1911, с. XXXIX) о Правительственном сообщении сказано: «Текст этого беспримерного в истории русской литературы документа составлен, если не ошибаюсь, М. Н. Катковым...» Однако, это позднее указание неизвестного лица, данное к тому же с оговоркой, не имеет значения документального свидетельства. Скорее всего оно восходит к ошибочной версии самого Салтыкова.

«ЗАПИСКА

О НАПРАВЛЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ В СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В РОССИИ»

Читал *

Одну из главных причин общественных бедствий, удручающих наше отечество, следует искать в области особого мира идей и понятий, в котором замечается присутствие и даже господство воззрений позитивизма и материализма, обхватившего довольно заметный круг лиц образованного класса. В этих воззрениях чувствуется сила фанатизма и убеждений в высшей степени превратных, движущих нередко на преступную деятельность и посягающих на бытие существующего законного порядка. С прискорбием необходимо признать, что этот мир идей и понятий, построенных на фантастической и отвлеченной почве, находит себе деятельную опору в некоторой части печати и в особенности периодической: политические журналы являются источниками умственной и нравственной смуты, а газеты отголосками и популяризаторами их вредных учений. Целые десятилетия русское общество и в особенности молодежь, читая журналы

* Помета Александра III. — Ред.

и газеты, питается плодами брожения незрелого и преждевременного знания, которое выдается прессой образчиком культуры.

Печать наша в лице ее представителей либерального толка упорно стоит на мысли, что все отрицательные стороны современной русской жизни могут быть искоренены помощью государственного переустройства, и частью пассивно и злорадно присутствует в созерцании противоправительственного движения с надеждой, что власть скоро сознается в своем бессилии и начнет переустраивать Россию по шаблону их мечтаний и желаний, частью же становится в ряды борцов этого движения. Под влиянием этого последнего течения создались литературные произведения тенденциозного направления с наклонностью в воззрениях на государственный строй к республике, в общественно-экономических к коммунизму, в религиозных вопросах к атеизму. Произведения этого рода стали евангелием известной части современного общества и толкнули наиболее незрелые его силы, по преимуществу учащуюся молодежь, на путь отчаянной борьбы с современным строем, запятнавшей страницы нашей новейшей истории несмываемыми злодеяниями.

Не имея никаких положительных идеалов, представители неблагонамеренной печати, называя себя партией либерального прогресса, поддерживают в обществе раздражение и отрицание, способное только злобить и мертвить, ничего не видя позади отрицания. Называя свои издания органами общественного мнения, они путем такого обмана стараются возбудить к себе доверие публики для проповеди ложных теорий и средств борьбы с правительством. Дошло дело до того, что со стороны печати были делаемы попытки извинять, смягчать, ослаблять, иногда даже оправдать, возвеличить, возвести на степень героизма и мученичества злодейские подвиги подпольных деятелей крамолы.

Документальное исследование этого часто неуловимого, но всегда бедственного по своим последствиям влияния печати на возникновение и развитие субверсивных идей в обществе, а затем и на практические попытки провести эти идеи в жизнь, представляет интерес первостепенный и по обилию материала могло бы составить обширный трактат с подлинными выдержками из произведений периодической прессы за последние двадцать пять лет, но и краткий очерк сведений, извлеченных из некоторых дел бывшего III-го Отделения его императорского величества канцелярии и Департамента полиции дает возможность удостоверить связь известного литературного направления с ростом крамолы, черпающей нравственную силу в этом сочувствии к ее злодеяниям, которое читается между строк, а иногда и в самом тексте произведений этого направления.

Предвестники нигилизма.— Первыми пионерами назревавшего в некоторых литературных кружках отрицательного отношения к историческому призванию нашего нынешнего государственного строя и к основам существующего общественного быта, первыми провозвестниками идей, впоследствии получивших наименование нигилистических, были журналы: «Отечественные записки» и «Современник». Оба эти журнала обратили на себя внимание еще в 1848 году статьями нескольких молодых авторов, причислявших себя к так называемой натуральной школе. Новое направление вызвало высочайшее повеление об учреждении комитета, которому было поручено рассмотреть, правильно ли действует цензура и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому журналу программы. Государь император Николай Павлович, прочитав выписки из этих журналов, изволил признать, что они допускают в статьях своих мнения в высшей степени преступные, могущие поселить в нашем отечестве правила коммунистические, неуважение к вековым и священным учреждениям, к заслугам людей всеми почитаемых, к семейным обязанностям и

даже религии, повредить народной нравственности и вообще приготовить у нас те пагубные события, которыми в то время были потрясены западные государства, и повелел объявить за подпиской редакторам этих журналов Андрею Краевскому и Ивану Панаеву, чтобы они под опасением строгой ответственности не дозволяли себе помещать в издаваемых ими журналах статей столь вредного направления.

Кружок «Современника» и «Русского слова». — К прискорбию, эти в высшей степени мудрые предположения оправдались: при первых признаках понижения уровня цензурных требований, ознаменовавших первые годы царствования в бозе почившего государя императора Александра Николаевича, в двух журналах, наиболее распространенных в то время, — «Русское слово» и «Современник» — обозначилось резкое отношение к существующему порядку вещей и стремление к пропаганде социалистических идей. Направление это проводилось кружком писателей, душой которого были известные Чернышевский и Добролюбов, указывавшие пути целому ряду менее громких имен, носители коих сделали неиссякаемый и поныне вклад превратных учений в небогатую серьезными умственными силами среду современного общества, большинство коего способно воспринимать без должной оценки всякие парадоксы, лишь бы таковые предлагались под модным ярлыком и притом в легкой форме. Из числа этих имен достаточно вспомнить фамилии Благосветлова, Михайлова, Писарева, Зайцева, Шелгунова, Лаврова и проч., чтобы определить, каким характером должна была отличаться вдохновляемая ими пресса. Для правильного заключения в сем отношении нет надобности изучать их сочинения, а достаточно привести лишь некоторые биографические о них подробности.

Чернышевский, Добролюбов и Благосветлов. — В 1861 году Благосветлов и Чернышевский произнесли в собрании литераторов в Hôtel de Paris по случаю празднования освобождения крестьян речи в крайне возбуждающем общественные страсти тоне. Из этих двух лиц Чернышевский, писатель несомненно талантливый, был до крайности увлечен учением социалистов. Литературная деятельность его посвящена была исключительно защите и развитию этого учения, имевшего сильное и весьма вредное влияние на учащуюся молодежь, в среде которой он высказывался еще резче и решительнее, чем в печати. Когда в сентябре 1861 г. возникла студенческая история, то Чернышевский с первого дня принял в ней живое и злобное участие, побуждая ее к явному неповиновению начальству округа. Он составил и распространял в публике возмутительное воззвание и дерзкий адрес государю императору. В ноябре того же года, на похоронах Добролюбова, Чернышевский произнес речь, в которой прямо высказал мысль, что виновником смерти молодого писателя было правительство, стесняющее свободу печати. Арест и предание суду, по-видимому, не имели влияния на образ мыслей и убеждения Чернышевского. Содержась под стражей в Алексеевском равелине, он занимался переводом политической экономии Милля, к которому присовокуплял собственные примечания, и там же написал известный роман «Что делать?», напечатанные затем в журнале «Современник». Ранее этого вслед за смертью Добролюбова появилась в «Современнике» статья Чернышевского под заглавием «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». Здесь, в письмах Добролюбова, находятся такие, например, места: «Еще с утра, на лекции Срезневского у меня вдруг родился целый ряд идей о том, как можно бы и как хорошо бы уничтожить это неравенство состояний, делающее всех столь несчастными, или по крайней мере повернуть все вверх дном, авось потом как-нибудь получше установится все» (стр. 310). «Я отчаянный социалист, хоть сейчас готов вступить в небогатое общество с равными правами и общим имуществом всех членов» (стр. 311). Осуще-

ствить в жизни отрицательное отношение к установившемуся порядку вещей Добролюбову не пришлось.

Михайлов.— Решительнее его оказался товарищ его по редакции «Современника» Михайлов, автор и распространитель одного из первых воззваний, которым открылось противоправительственное движение последних двадцати лет, а именно воззвания «К молодому поколению», появившегося в Петербурге в сентябре 1861 г. В воззвании этом развивались следующие взгляды: не народ существует для правительства, а правительство для народа. Романовы не оправдали надежд народа. Долой их! Мы хотим иметь главой простого смертного, человека земли, нам нужен не император, а выборный старшина, получающий за свою службу жалование. Правительство возбудило неудовольствие всех сословий и, положив конец помещицкому праву, подкосило свою собственную власть. Недовольные везде. Императорская Россия разлагается. Лишь в молодом поколении находятся люди, способные пожертвовать личными интересами благу всей страны. Они вожаки народа, призванные спасти его. Они должны объяснить народу, что помеха тому царь и его министры.

Конституционные и экономические тенденции ведут к консерватизму. Россия должна не подражать Европе, а прийти к новым порядкам, неизвестным даже в Америке. Она призвана внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Если для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, то не следует пугаться этого.

В заключение заявляются следующие требования:

Избрание и ограничение верховной власти; свобода слова! развитие в народе начала самоуправления; отмена привилегий, равенство всех перед законом и во всех государственных тягостях, податях и повинностях; финансовая отчетность правительства; открытый и словесный суд; уничтожение полиции явной и тайной, отмена телесных наказаний; отмена частной поземельной собственности; общинное владение землей, с переделами через большие сроки; раздача казенных земель бывшим дворовым людям, уничтожение переходного состояния освобожденных крестьян и немедленный выкуп их личной земельной собственности, уничтожение мещанства, сокращение расходов на армию и сроков службы нижних чинов, сокращение расходов на все управление, на императорскую фамилию, упразднение министерств: государственных имуществ, императорского двора, удельного ведомства; освобождение и возвращение из ссылки всех осужденных за политические преступления, а также возврат на родину всех политических выходцев, изменение основных законов, в особенности 1 статьи I-го тома Свода о самодержавной и неограниченной власти государя.

Молодое поколение приглашалось действовать не теряя ни одной минуты.

Осуждение Михайлова и протест литераторов.— Сознавшись в распространении этого преступного листка, Михайлов определением Правительствующего сената был осужден на ссылку в каторжные работы на 12 лет и шесть месяцев, каковое наказание ввиду искреннего раскаяния, выраженного им в собственноручной записке, приложенной к делу, смягчено было по монаршему милосердию наполовину. Между тем как сам Михайлов приносил повинную в содеянном преступлении, вызывая к великодушию государя, двадцать восемь литераторов, собравшись у графа Куселева-Безбородко, составили и подписали протест по поводу ареста их сотоварища в форме письма на имя министра народного просвещения, которому оно было вручено графом Куселевым-Безбородко, теперешним издателем «Голоса» Краевским, а также Громекою, следующего содержания:

«Мы, нижеподписавшиеся редакторы и сотрудники петербургских газет и журналов, с глубоким прискорбием узнали, что вчера один из наиболее уважаемых литераторов подвергся аресту после вторичного обыска, произведенного у него на квартире полицией.

Известие это тем более поразило нас, что еще недавно обнародован был закон об отделении судебной власти от полиции; закон, по которому каждый из русских подданных огражден от произвольного вторжения полиции в его жилище. Вся русская литература с сочувствием приветствовала появление этого закона, никак не ожидая, что благодеяние его не распространяется на одних служителей литературы.

Мы не знаем, в чем обвиняется М. И. Михайлов, и сам г. Михайлов, как говорят, не знает этого. Мы знаем только, что вся литературная деятельность этого писателя направлена была к самым благородным и высоким целям и постоянно клонилась к уменьшению в человечестве страданий и преступлений, а не к увеличению их. Поэтому мы никак не можем допустить, чтобы г. Михайлов мог быть виновен в каком-либо чрезмерном преступлении, для которого необходимо было забвение всех установленных по наказу судебных следователей правил. Соображения эти дают нам смелость обратиться к вашему сиятельству, как к прямому и естественно-му защитнику русской литературы, с убедительнейшей просьбой принять под свою защиту дальнейшую участь г. Михайлова — как одного из лучших и благороднейших представителей литературы. По нашим законам, интересы каждого подданного ограждены, при судебно-полицейском следствии, заступничеством и присутствием депутата от того сословия или ведомства, к которому принадлежит обвиняемый. Одни только литераторы лишены этой защиты. Смеем думать, что они не заслужили такого печального исключения из общих правил народа. Поэтому мы льстим себя надеждой, что ваше сиятельство не откажете защитить интересы литераторов в нынешнем прискорбном для них случае и примете к сердцу глубокое несчастье, постигшее одного из лучших наших товарищей. Г. Михайлов живет одним только литературным трудом. Занятия его внезапно прерваны к ущербу его собственных интересов и интересов литературы. Г. Михайлов арестован и лишен всякой помощи, всякой защиты. Неопытный в судебно-политических делах, он может быть запутан в ущерб истине и справедливости. Позвольте, граф, надеяться, что вы не откажете испросить освобождения г. Михайлова, а если этого невозможно, то, по крайней мере, исходатайствуете дозволение назначить к нему в помощь по нашему избранию депутата для ограждения его гражданских прав во время судебно-полицейского исследования поступков, в которых он обвиняется».

Письмо подписано следующими фамилиями: Николай Альбертини, Александр Афанасьев-Чужбинский, Константин Бестужев-Рюмин, Григорий Благосветлов, Николай Вессель, Александр Гиероглифов, Степан Громека, Владимир Зотов, Дмитрий Кожанчиков, Андрей Краевский, Валериан Кречинин, Василий Курочкин, Григорий Елисеев, Николай Крон, граф Кушелев-Безбородко, Петр Лавров, Сергей Максимов, Дмитрий Минаев, Иосиф Паульсен, С. Н. Палаусов, Михаил Стопановский, Николай Степанов, Николай Добролюбов, Михаил Достоевский, Ашполон Майков, Алексей Писемский, Иван Панаев и Николай Некрасов.

Писарев и Шелгунов.— Подобно Михайлову, и прочие члены названного выше литературного кружка не были чужды преступной деятельности по осуществлению на практике вредных учений, проводимых ими в сознании общества путем журнальной литературы. Так Писарев, сотрудник «Русского слова» и наиболее чтимый молодежью популяризатор материалистических воззрений, оказался по следствию, произведенному в 1862 г., причастным к делу об устройстве студентом С.-Петербургского

университета Баллодом первой подпольной типографии, где между прочими преступными изданиями была напечатана статья Писарева «Русское правительство под покровительством Шедоферротти». Памфлет, направленный против барона Фиркса, выступившего в заграничной печати под псевдонимом Шедоферротти против революционной деятельности Герцена. Последствием этого дела для Писарева было присуждение его Правительствующим сенатом к заключению в крепости на 2 года и 8 месяцев. Другой сотрудник того же «Русского слова», отставной подполковник корпуса лесничих Шелгунов, привлекался к делу о составлении возмутительных воззваний к «солдатам» и распространении другого не менее возмутительного листка к «барским крестьянам»; по решению генерал-аудиториата он присужден к ссылке на жительство в одну из отдаленных губерний под строгий надзор полиции.

Лавров и Зайцев.— Наконец, известный в настоящее время эмигрант Лавров *, бывший в начале шестидесятых годов преподавателем Михайловской Артиллерийской Академии, и литератор Зайцев, товарищ Шелгунова и Писарева по изданию «Русского слова», оказались скомпрометированными по делу Каракозова и, после административного взыскания, оба эмигрировали.

Мнение графа Муравьева о тогдашней журналистике.— Всепоподданнейшая записка, поданная 9 июня 1866 г. во время производства дела о Каракозове председателем особой следственной по сему делу Комиссии генералом от инфантерии графом Муравьевым, признает вредное влияние печати на молодежь одной из главных причин, подготовивших злодеяние 4 апреля. В ней говорится: «Настоящее прискорбное дело является последствием полного нравственного разврата нашего молодого поколения, подстрекаемого и направляемого к тому в продолжении многих лет необузданностью журналистики и вообще печати, которая, проповедуя социалистические и в высшей степени разрушительные начала, постепенно колебала основы религии, общественной нравственности, чувство верно-подданнической преданности к государю и повиновения властям». Те же мысли высказываются еще с большей определенностью в заключительном докладе графа Муравьева 9 августа 1866 г. «Общий ход дела ясно указывает, что редакторы и сотрудники некоторых журналов, разделяя противоположительные идеи, систематически распространяли в продолжении многих лет всевозможные разрушительные учения, стремящиеся к ниспровержению порядка и государственного управления. Лица сии, более или менее состоящие уже на замечании правительства, были в сношениях с государственным преступниками и вместе с своими сотрудниками по редакции составляли те социалистические, противоположительные средоточия, которые при слабом местном за ними надзоре, прикрываясь легальностью предоставленного им права издания, безвозбранно группи-

* Деятельность Лаврова за границей с 1870 г., т. е. со времени его побега из административной ссылки, посвящена не только популяризации идей позитивизма и социализма, но и борьбе с существующим порядком в России. В начале семидесятых годов, сплотив своим влиянием кружки русской учащейся молодежи в Швейцарии и Париже в тайное общество, члены которого, возвратившись в отечество, стали в ряды первых пропагандистов, он руководил их действиями посредством издаваемого им журнала «Вперед» вплоть до возникновения в русских социалистических кружках народнического направления (1877 г.). В последнее время Лавров присоединился к народо-вольческой программе, провозгласившей необходимость политической борьбы с правительством, и состоит одним из редакторов «Вестника Народной воли», о предстоящем выходе в свет коего последовало в недавнее время объявление.

Не менее вредным борцом в журнальном походе против основ современного быта был другой эмигрант, Зайцев, умерший в январе 1882 г. в Кларане после тринадцатилетнего пребывания за границей, где он состоял членом Международного общества рабочих и участвовал в издании женевского журнала «Общее дело». В февральском номере за 1882 г. этого журнала почтена его деятельность соответственным некрологом.

ровали вокруг себя все нечистые и зловредные элементы общества и гласно посредством своевольной прессы громили основы общественной нравственности и государственного строя». В дальнейшем изложении дела доклад продолжает: «Комиссией также обнаружены в столицах некоторые отдельные тайные деятели, которые под фирмой литературных занятий были руководителями разных социалистических изданий, переводов, учебников для народа и иных книг, в видах распространения социалистического учения. Они также были участниками в составлении разных обществ, читален, артелей, бесплатных школ и иных учреждений, имевших целью под видом благотворения соединять и объединять в социалистическом и противоправительственном направлении мысли молодого поколения».

Заккрытие «Современника» и «Русского слова». Их возрождение в иной форме.— В связи, очевидно, с этими разоблачениями последовало распоряжение о прекращении издания журналов «Современник» и «Русское слово», закрытых по особому высочайшему повелению.

Мероприятию этому не суждено было, однако, положить предел деятельности литературных кружков, сплотившихся в редакциях закрытых журналов: редакция «Отечественных записок», издаваемых тем же Краевским, который обратил на себя внимание еще в 1848 г., гостеприимно раскрыла свои двери кружку «Современника», распределив его силы между обоими изданиями Краевского (кроме «Отечественных записок», Краевский издает, как известно, ежедневную литературно-политическую газету «Голос»), издатели же «Русского слова» основали журнал «Дело». Необходимо, впрочем, оговориться, что последнее издание, поставленное при самом его возникновении в особые цензурные условия, хоть и не изменило вредного направления, отличавшего журнал той же литературной клики, тем не менее, будучи лишено возможности проводить это направление с прежней резкостью, пользуется весьма ограниченным кругом читателей, так как подписчики предпочитают ему «Отечественные записки», «Вестник Европы» и издаваемую с недавнего времени в Москве «Русскую мысль», т. е. журналы, где с большей определительностью высказываются суждения о необходимости заменить устаревшие формы общежития новыми, положив в основу конституционные теории или мечтания социально-революционного направления.

Журналистика конца шестидесятых и начала семидесятых годов.— Время конца шестидесятых и начала семидесятых годов было периодом осуществления ряда преобразований, задуманных еще в начале прошедшего царствования: земское и городское самоуправление в связи с судебной реформой, открывали, казалось, пути всестороннему развитию и мирному преуспеванию общественных сил. По-видимому, периодической печати также открывалась возможность путем уяснения плодотворных начал, положенных в основу совершившихся изменений в общественном строе, сослужить службу обновленной России, закрепив в то же время, на почве благоговейной признательности, вековую связь между верховной властью и народом, которой искони был силен наш государственный строй. В действительности оказалось иначе: журналы, а за ними и газеты, злобно радуясь всякой неудаче правительства, не переставали представлять себя как бы инициаторами в совершенных преобразованиях, ослабляя или ступеньвая значение в них самой власти. Объединяясь общим чувством неприязни не только к правительству, но и к русскому народу (этой по характерному выражению «Голоса» того времени «святой скотине»), журнализм вредно отзывался на существовании противоправительственных течений в земских собраниях, городских думах, ученых обществах, нагло издеваясь над неудавшимся по мнению либеральных экономистов «Вестника Европы» и «Отечественных записок» делом освобождения

Pyrausta obliquecosta?

[illegible]

Самой выразительной особенностью нашей поэмы было и должно оставаться ее истинное, живое, восторженное и лирическое отношение к природе, к траве, к солнцу! Природа не была для нас, поэтов, «средством» для выражения мысли, а сама мысль, сама поэзия, сама жизнь, сама любовь. Будут эти поэмы, когда, чтоб добраться до сердца до далекого Сибиря, из тысячи и в сотни раз лучше и сильнее поспешит к нему, укажет, утешит, одобрит, согреет.

Нужно и теперь, когда тебе бросают
ваши приемы в лицо, когда ты видишь
важно, что не, сумасшествие и фантазия
горячо от твоей, это думать, потому
что ты сам, потому самостоятельно

ОБРАЩЕНИЕ «ОБЩЕСТВЕННОГО СОЮЗА» К РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ В СВЯЗИ
С ЗАКРЫТИЕМ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Включено в литографированное издание «Сказок для детей изрядного возраста М. Е. Салтыкова»
(выпуск II. Изд. «Общественного союза». Москва, апрель 1884 г.)

Обложка и текст обращения

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

крестьян, обделенных будто бы при наделе их земель. Наряду с ними в периодической прессе не иссякала струя антигосударственной пропаганды. Для исследования этой стороны деятельности нашей прессы за конец 60-х и начало 70-х годов представляют интерес мотивы некоторых взысканий, постигших тогда повременные издания: а) журналу «Деятельность» объявлено предостережение за оправдание проступков воспитанников учебных заведений относительно их наставников; б) то же явление, а именно возбуждение в учащихся как неуважения к учащимся и преподавателям, так и неудовольствия против вводимой системы образования, удостоверено Управлением по делам печати и по отношению к «Отечественным запискам»; в) «С.-Петербургские ведомости», редактированные в то время Валентином Коршем, обратили на себя внимание корреспонденцией профессора Казанского университета Лесгафта (о нем, как о наиболее симпатичном ей учителе, вспоминает в своих показаниях известная Вера Фигнер), в которой он публично, в крайне неприличной форме порицал свое начальство, попечителя Казанского учебного округа и Университетский совет. Наконец, г) журнал «Всемирный труд», издававшийся евреем Ханом, был закрыт по высочайшему повелению, так как в статьях его выражалось сочувствие начинавшейся тогда революционной пропаганде в народе и обнаруживалось стремление подорвать уважение к правительственным властям, постоянно проводить в читающую массу социа-

листические идеи при полном отрицании основных религиозных начал. д) газета «Новое время», выходявшая в то время под редакцией Ноговича — нынешнего редактора «Новостей», выразила явное сочувствие к вредным учениям социалистов и резкое порицание экономических основ, на которых зиждется жизнь благоустроенных гражданских обществ, и е) журнал «Неделя» в статье «Реальное мышление» поместил апологию так называемому нигилистическому реализму и сочувственные отзывы по отношению к распространению ложных и вредных понятий, извращающих общественную нравственность.

Период хождения пропагандистов в народ. Народническая школа в литературе. — Молодое поколение, выраставшее в атмосфере легкомысленного отрицания начал, положенных в основание его образовательной системы, прежде всего сделалось жертвой журнальной пропаганды. Вслед за обильной жатвой, собранной Нечаевым в среде высших учебных заведений обеих столиц как ведомства министерства народного просвещения, так и прочих, стали возникать повсеместно не только в этих заведениях, но и в средних так называемые кружки саморазвития, члены коих стали изучать сочинения: Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Лаврова, Бакунина, Прудона и Лассалья. Несколько месяцев подобной школы превращали кружки саморазвития в политические клубы, где обсуждались наиболее сложные государственные и общественные вопросы. Не заставившее себя долго ждать решение этих вопросов вызвало в молодежи новое стремление: поделиться плодами своего мышления с народом. Не опасаясь впасть в ошибку, позволительно утверждать, что революционный период так называемого «хождения в народ» создан двумя группами: одной из них были парижские и швейцарские адепты Лаврова, другие — члены кружков саморазвития, руководимые лицами, прошедшими школу заговорщиков каракозовского и нечаевского периода. Журналистика, конечно, не замедлила отозваться на этот ею же подготовленный порыв молодежи: в повременных изданиях появился целый ряд произведений народнической беллетристики, в которых или популяризовался западноевропейский социализм или же, рядом измышленных или ложно освещенных явлений народного быта, доказывалось бедственное положение народа (сочинения Наумова, Глеба Успенского, Златовратского и т. п.). Эти произведения на первое время и служили орудием пропаганды, стремившейся привить народу чувство недовольства его положением и внести в его сознание учение, признаваемое фанатиками социализма средством врачевания всех общественных зол.

Некрасов. — Здесь нельзя пройти молчанием то губительное влияние, которое имело на молодежь сочувствие Некрасова первым проявлениям практической революционной деятельности. Этот талантливый печальник, по выражению его друзей, народного горя, стоя на краю могилы, ободрял пропагандистов стихами, которые заучивались и повторялись с упоением подрастающим поколением.

Двиньтесь вперед,
Сейте разумное, доброе, вечное.
Сейте, спасибо вам скажет сердечное
Русский народ.

Тот же Некрасов с злобной насмешкой встретил меры правительственного преследования, которое, конечно, постигло пропагандистов, и призывал новые силы на смену выбывающих. Глубокое впечатление производили следующие места его стихотворений:

В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,

И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.
Какое ж адское коварство
Он помышлял осуществить —
Разрушить думал государство
Или инспектора побить.

Или:

В тряской телеге два путника пыльные
Скажут... едва разглядел
Подле лица молодого прекрасного
С саблей усач...
Брат, удаленный с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай.

А также:

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка.

Группа народников-пропагандистов и отношение печати к первым политическим убийствам.— Период социалистической пропаганды среди народа завершился в феврале 1878 г. процессом 193-х. Приговор суда возвратил свободу большей части обвиняемых. Почти все освобожденные судом тотчас же вступили в ряды нового тайного общества, образовавшегося в Петербурге в 1877 г. по уставу, составленному Юрием Богдановичем (Кобозевым) и Иванчиным-Писаревым. Новое общество, не отказавшись вовсе от распространения в народе учений, которые должны были вести к разрушению существующего строя, включило в программу своей деятельности устройство в Петербурге центрального кружка для объединения провинциальных групп, занятых пропагандой, и для борьбы с правительством, допускавшей по первоначальному уставу лишь для защиты партийных интересов. Ввиду этого крамола стала стягивать в столицу лучшие свои силы в сознании, что решительный момент действительно наступает. Покушение на жизнь генерал-адъютанта Трепова, убийство шефа жандармов Мезенцева, выстрел в генерал-адъютанта Дрентельна и злодеяния Соловьева были выдающимися событиями этого времени. Наряду с обострившейся деятельностью революционеров-практиков стало заметным напряжение сил и в лагере журналистов, сочувствующих революционному движению. Всем памяты статьи, сопровождавшие оправдание Веры Засулич, и наиболее замеченная из них статья Григория Градовского в фельетоне «Голоса». Но напряжение это сказалось не только в подъеме тона журнальной полемики с законным порядком, оно выразилось в возникновении ряда новых журналов, издатели и сотрудники коих оказались в непосредственном общении с вожаками крамолы. К числу таких изданий следует отнести журнал «Знание» и газеты «Русская правда» и «Северный вестник».

Журнал «Знание». «Русская правда» и «Северный вестник».— Издателем «Знания» был литератор Гольдсмит, женатый на одной из цюрихских студенток, подруге Веры Фигнер: в то время как в его журнале находили себе помещение исключительно статьи материалистического содержания, контора редакции была сборным пунктом всех выдающихся деятелей народнического сообщества и служила им конторой посреднических услуг для сношений с провинциальными группами. Удостоверено это было в январе 1878 г. при аресте возвращавшейся из Петербурга в Самару дворянки Чепурновой, которая, приехав по своим делам в Петер-

бург, была рекомендована Верой Фигнер супругам Гольдсмит, прожила у них несколько недель и, уезжая из Петербурга, взяла с собой для доставления в Самару письма и посылки, предназначавшиеся Иванчину-Писареву, Юрию Богдановичу и др. лицам, действовавшим в то время в Самарской губернии, в составе образовавшегося там незадолго перед тем социалистического поселения. Случай с Чепурновой прошел для Гольдсмита безнаказанно и лишь впоследствии, ввиду снова полученных указаний на его сношения с революционной средой, он был выслан административным порядком из столицы.

«Северный вестник», прекращенный после непродолжительного существования по особому высочайшему повелению за вредное направление, был издаваем присяжным поверенным Коршем, сыном бывшего издателя «С.-Петербургских ведомостей», при содействии группы молодых людей, принимавших участие и в подпольной литературе изданием листка с социалистическим направлением «Начало».

Некоторые из этих молодых людей были сотрудниками «Вестника», другие заведовали его хозяйственной частью. Из числа последних отставной мичман Луцкий в 1878 г. был привлечен к делу о распространении подпольных изданий: помянутого выше листка и появившейся впервые около этого времени революционной газеты «Земля и Воля», содержащейся в тюрьме более года, а затем, по освобождении, эмигрировал за границу. Что же касается до самого издателя, то о нем казенный ныне государственный преступник Квятковский свидетельствовал, что Корш был хранителем денежных средств народнической партии и часть этих средств утаил. (Корш сослан в Сибирь за мошенничество по делу с церемониймейстером князем Урусовым).

Не более продолжительным было существование и другой газеты противоправительственного направления, «Русской правды», выходившей под редакцией отставного поручика лейб-гвардии саперного батальона Дмитрия Гирса, причем хозяйственная часть газеты была ведена дворянином Головиным. Головин в 1879 г. судился в петербургском военно-окружном суде за укрывательство государственного преступника Мирского, которого он, после совершения Мирским покушения на жизнь генерал-адъютанта Дрентельна, поместил на квартире родственников своей жены. Для характеристики Гирса и той среды, взгляды и убеждения которой должны были найти себе выражение в его газете, необходимо привести из Архива III Отделения следующий эпизод:

4 июля 1868 г. утонул в м. Дуббельне, около Риги, сотрудник «Русского слова» Дмитрий Писарев. Тело его с дозволения министра внутренних дел было перевезено в С.-Петербург и погребено на Волковском кладбище, рядом с могилой Белинского и Добролюбова.

Похоронами распорядился издатель сочинений Писарева отставной артиллерии поручик Флорентий Павленков. Им заказан для покойного гроб без креста и открыт без надлежащего разрешения подписка на памятник Писареву. На могиле последнего произнесены были речи Павленковым, литераторами Благосветловым и Гайдебуровым и отставным поручиком Дмитрием Гирсом, который в своей речи отрицал между прочим бессмертие души.

По распоряжению III-го Отделения были задержаны: Павленков, Гирс и состоявшая с Павленковым в любовной связи сестра покойного Писарева девица Вера Писарева. При этом оказалось, что Павленков проживал без прописки вида у товарища своего по Артиллерийской академии, воспитателя 2-й военной гимназии, артиллерии штабс-капитана Владимира Черкасова. Произведенным в квартире последнего обыском обнаружено множество запрещенных заграничных изданий, портреты государственных преступников, стихи и карикатуры на правительственных

лиц и обширная переписка Павленкова с девицей Писаревой и товарищами по корпусу и Артиллерийской академии в высшей степени предосудительного содержания.

По административному распоряжению Павленков, как личность с зловредным и враждебным направлением, выслан в одну из отдаленных губерний под надзор полиции с воспрещением на будущее время издательской деятельности и въезда в столицы. Гирс также выслан под надзор полиции в одну из отдаленных губерний на два года с правом по истечении этого срока избрать себе другое местожительство за исключением столиц; Писарева отправлена к родителям в Тульскую губернию под их поручительство и надзор местных властей. Черкасов удален от должности воспитателя при военной гимназии.

«Русская правда» в 1879 г. была приостановлена за вредное направление на четыре месяца и в том же году, вслед за возобновлением издания, подверглась той же каре, но уже на пять месяцев. По истечении этого последнего срока газета больше не появлялась.

Терроризм и новые веяния.— Два года, предшествовавшие катастрофе 1-го марта, были временем наиболее благоприятным для противоправительственных элементов. При ретроспективном обзоре этого времени нельзя не заметить, что, параллельно росту подпольной борьбы, на столбцах журналов и газет получили особое развитие так называемые новые веяния.

Осенью 1879 г. наиболее энергичные люди различных революционных групп того времени сомкнулись для ниспровержения законного порядка в крепкую организацию: «Исполнительный комитет Народной воли», поставивший себе ближайшей целью привести в расстройство правительство рядом террористических актов. Члены «Исполнительного комитета» обширными связями в тех общественных слоях, в которых революционная идея всегда была популярна, главным образом в среде лиц так называемых либеральных профессий и молодежи высших учебных заведений, обеспечили новой организации и денежные средства и значительное количество людей, готовых на всякую услугу тайному обществу. Ряд злодеяний ознаменовал разрушительную деятельность «Исполнительного комитета», и через восемнадцать месяцев после Липецкого съезда ему удалось покрыть позором Русскую землю, обогрив ее мученической кровью царя-освободителя. Политические журналы и газеты во второй половине указанного двухлетнего периода, заручившись небывалым дотоле влиянием на ход государственного управления путем непосредственного воздействия некоторых представителей литературных кружков либерального пошиба на деятелей высшей администрации, усыпляли бдительность последних обманчивыми и льстивыми уверениями об ослаблении противоправительственного движения, которое будто бы потеряло смысл существования вследствие принятого правительством решения удовлетворить общественным требованиям об увенчании здания совершившихся реформ введением правового порядка (для популяризации этого порядка открыта была издателем «Вестника Европы» Стасюлевичем особая газета). Одновременно, однако, с этим, увлекавшим правительственные сферы потоком либеральных веяний, замечалось в журналистике и иное течение, подготавливавшее умы к более радикальному решению вопросов государственного и общественного быта, чем то, которое могла предложить западноевропейская система управления, перенесенная на русскую почву. Направление это, свив себе гнездо в некоторых изданиях, как например, в «Неделе», закрытом в 1880 г. «Слове», отчасти в «Москве» и «Русском курьере», наполняло столбцы этих газет сведениями о народных бедствиях и рассуждениями о темных явлениях русской жизни, исцеление коих возможно лишь путем полного изменения форм общест-

венного быта и коренного переустройства государственного строя. В показании государственного преступника Рысакова, вступившего вслед за совершением им злодеяния на путь откровенных признаний,— имеется характерное указание на значение, которое имели в 1880 г. некоторые легальные издания. Передавая следователю различные сведения о деятельности террористического кружка в Петербурге и знакомя его с приемами пропаганды среди рабочих, в которой Рысаков участвовал сам, он, между прочим, показал, что для просвещения рабочих были употребляемы, конечно, подпольные издания, когда же таковых в распоряжении агитатора почему-либо не оказывалось, обращались к упомянутой уже «Москве» (редактор Полетика), и «Стране» (редактор Полонский). Давая это показание, Рысаков, конечно, не знал передовой статьи первого из указанных им изданий по поводу злодеяния 1-го марта. Это потрясающее событие, вызвавшее ужас и негодование в целом мире, дало редакции «Москвы» случай в день погребения усопшего императора объявить во всеуслышание публичного слова, что он пал жертвой недостаточно решительного его образа действий в вопросе о даровании управляемой им стране политической свободы.

Современное отношение прессы к законному порядку.— В заключение этого очерка представляется полное основание утверждать, что в течение последних двух лет периодическая пресса, разумея при этом большинство распространенных столичных журналов и газет, не оставляет прежнего оппозиционного отношения к правительству, проявляя это отношение более или менее резко в зависимости от большей или меньшей энергии в способах проявления правительственного за ней надзора. Нельзя не признать, что Управлению по делам печати удалось в течение истекшего года рядом решительных мер уменьшить число изданий с противоправительственной программой. Едва ли, впрочем, ему будет под силу сломить окончательно враждебное существующему порядку настроение прессы, до тех пор, по крайней мере, пока состав литературного кружка, руководящего журналами и газетами, не изменится. В настоящее же время кружок этот состоит почти исключительно из людей, вся литературная деятельность которых составляет непрерывный протест против существующего порядка вещей. В Петербурге десять изданий, и в том числе наиболее читаемых публикой, ведутся людьми, фамилии которых упоминаются в предыдущем изложении, или же были достоянием политических процессов. Таким образом, «Отечественные записки», издаваемые Краевским, редактируются Салтыковым (Щедриным) при деятельном участии Григория Елисеева и Михайловского, в сотрудничестве с несколькими ссыльными и поднадзорными. Об Елисееве было упомянуто выше. Что же касается до Михайловского, то поводы его недавней высылки из Петербурга (возбуждение молодежи в речи, произнесенной на балу в Технологическом институте) достаточно выясняют его воззрения на жгучие современные вопросы. Тому же Краевскому принадлежит «Голос». Связанные с «Вестником Европы» имена Стасюлевича и Пыпина (наиболее близкого человека к Чернышевскому) объясняют в достаточной мере направление издания, особенно же если при этом иметь в виду, что журнал избирает своих сотрудников или в среде эмигрантов и поднадзорных, или же в кружках писателей народнической группы: в последних книжках журнала обращает, например, внимание статья: «Очерк новейшей итальянской литературы» (приписываемая убийце генерал-адъютанта Мезенцева Кравчинскому), сочувственно относящаяся к современным итальянским писателям наиболее крайнего лагеря по их политическим и экономическим воззрениям. «Дело», принадлежащее вдове Благоветловой, находится в аренде у подполковника Шелгунова и еще недавно выходило под редакцией отставного лейтенанта Станюковича, дяди государственного преступника Тригони,

На русском обществе
от Московского Центрального
Кружка Общественного
Союза.

Следующие газеты сообщают о по-
бедном проявлении той темной силы, которая
много лет позорит нашу родную Отече-
ству и которая именуется русскими правитель-
ством. Запрещено издание „Отечественных
Записок“.

Преступная рука не писала и этого
огромного офорта, а также и готтского ре-
ципиента правь русского человека. Мы на-
деемся, что русское общество не будет по-
облаженно руководителем к судьбе своего за-
щитника. Мы надеемся, что русское об-
щество выразит свое сочувствие великому
писателю-гражданину Салтыкову и по со-
трудничеству, свой протест и неодобрение рус-
скому правительству; что в русском обще-
стве не утратит еще чувство гражданского
мужества и собственного достоинства.

Москва
21 Апрель 84г.

ВОЗЗВАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КРУЖКА «ОБЩЕСТВЕННОГО СОЮЗА»
ПО ПОВОДУ ЗАКРЫТИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСК»

Литографированное издание. Москва, 21 апреля 1884 г.

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

и лица, избличенного в укрывательстве государственных преступников
Мирского и Любатович. «Неделя» издается Гайдебуровым, участником по-
хорон Писарева, этой антиправительственной и антирелигиозной манифе-
стации. «Новости» в руках у Нотовича, доказавшего свою неблагонадеж-
ность еще в то время, когда им было издаваемо «Новое время». «Русское
богатство» принадлежит Леониду Оболенскому, судившемуся и осужден-
ному по Нечаевскому процессу. «Судебная газета», далее, ведется, при
подставных редакторах, Григорием Градовским, автором известной
статьи по поводу оправдания Веры Засулич и оратором всех манифе-
стационных с противоправительственной целью сборищ. «Восточное обозре-
ние», посвященное преимущественно интересам Сибири, издается бывшим
государственным преступником Ядринцевым, наконец, «Устой» обязаны
своим существованием кружку лиц, причисляющих себя, по выражению
руководителя кружка минского еврея Венгерова, к партии «непримиримых». Редактор «Устой» этот же Венгеро; известен, кроме того, по по-

мещенной им в журнале «Русская мысль» статье, в которой он уподобляет русских террористов первым христианам.

Все изложенное приводит к заключению, что в данный исторический момент правительство находится в борьбе не только с кучкой извергов, которые могут быть переловлены при успешных действиях полиции, но с врагом великой крепости и силы, с врагом, не имеющим плоти и крови, т. е. с миром известного рода идей и понятий, с которыми борьба должна иметь особый характер. Устранить влияние известной литературной клики на журнальное дело, т. е. расстроить внешнюю форму, в которую этой враждебной силе удалось организовать, значит сделать только шаг к ослаблению ее разрушительного влияния. Сломить же ее окончательно возможно только противопоставив ей другую подобную же духовную силу — силу религиозно-нравственного перевоспитания нашей интеллигенции, а такой результат может быть достигнут только годами усилий и притом под условием введения строгой общественной дисциплины, по крайней мере в тех областях народной жизни, которые доступны контролю государства.

24 августа 1883 г.